

В традиции русской философии

НАШ СОВРЕМЕННОК СОКРАТ

Автор: Г. Г. ВОДОЛАЗОВ

Письмо пятое

Самое трудное для меня, Платон, объяснить, почему я так "заносчиво" держал себя с судьями. Ну, с обвинителями - ладно, еще можно понять - прямые враги. Но зачем так раздражать судей? Зачем возбуждать в них недоброжелательство - словно напрашиваясь на смертный приговор? Что это, организованное самоубийство?

Нет, Платон, я не хотел и не хочу умирать. Все эти рассказы обо мне - о моем будто бы легком и безразличном отношении к смерти - ерунда. Я хочу жить, Платон! Хочу бродить под синим небом моей дорогой Эллады, беседовать с людьми (обучая и учась мудрости), по-детски переживать, наблюдая за соревнованиями атлетов, и сидеть с друзьями на вечерних пирушках, попивая наше терпкое, солнечное, виноградное вино и внимая, под переборы кефарных струн, чарующему сладкоголосию наших песен...

Поройся в своей памяти, Платон: было ли когда-нибудь, чтобы в своих беседах я проклинал жизнь и славил уход из нее? Да никогда, ни словом, ни намеком! Большого жизнелюба, чем Сократ, в Греции не было и нет. Далось же друзьям моим возводить на меня напраслину!

Впрочем, я примерно представляю, как возникло это недоразумение. Оно - результат чересчур поверхностного и излишне прямолинейного понимания моих рассуждений о бессмертии души человеческой. Поняли так, что коли, по Сократу, душа бессмертна и жизнь ее вечна, то с какой стати тогда ценить быстротечную земную жизнь? Зачем цепляться за это кратковременное, призрачное, полное невзгод и страданий существование, когда Там, за Горизонтом, - блаженство, когда Там не мелочные, суетливые заботы о хлебе насущном, а полная высокого смысла духовная жизнь, когда Там в общении не с этими ничтожными, эгоистичными, мелочно-злыми анитами и мелетами, а - с прекрасными, чистыми и мудрыми, давно поджидающими тебя - Гомером, Гесиодом, Фалесом, Анаксагором, Гераклитом?.. Вот почему и решили, что для Сократа расставание с жизнью - не драма, не трагедия, а чуть ли не блаженство. Вот потому-то решили, он так и торопит свой смертный приговор.

Это все полная ерунда, Платон. Я держусь прямо противоположного взгляда. И это нетрудно понять - если не скользить по поверхности слов моих, если поосновательнее вдуматься в то, что я вам всем неоднократно, на разные лады и по разным поводам говорил.

Продолжение. Начало см. "Общественные науки и современность". 2005. N 5, 6.

Водолазов Григорий Григорьевич - доктор философских наук, вице-президент Академии политических наук.

Нет, для меня земная жизнь человека - вовсе не какой-то "мимолетный эпизод", не "бессмысленный пустячок", которым можно легко и просто поступиться во имя "вечного, блаженного" существования Там. По моему убеждению, земная жизнь для человека - это главное, основное и решающее. Это, если угодно, его "все"!

Да, я говорил о "бессмертии души" и даже, бывало, вел не лишенный подробностей рассказ о ее мытарствах и радостях в Там, другом, Мире. Но нельзя же, друзья мои, понимать все так буквально. Ну, куда еще ни шло - если какой-нибудь сапожник или земледелец, не слишком искушенный в делах культуры, поймет все это буквально. Тут не будет особой беды. Это бесполезно даже - и для него, и для его ближайшего окружения: будет человек искренно верить в воздаяние на том свете - и за плохое, и за хорошее, что он сделал здесь. Ну, и пусть верит: это будет для него неплохим стимулом справедливо относиться к людям, более разумно строить свою жизнь. Но я лично никакой ответственности за такое толкование своих слов не несу. Заметь, я нигде и никогда обо всех этих вопросах "того света" не говорил как о каких-то достоверных, твердо установленных фактах. Постоянно - честно и прямо - добавлял: "если это есть на самом деле...". Я никогда не дурил головы людям, никогда не использовал их доверие к моим (несколько, впрочем, преувеличенным молвой) знаниям для того, чтобы выдавать фантазии за реальность.

Что же до культурно развитых, интеллектуально образованных и духовно тонких людей, то они, конечно же, поймут (и об этом я сам говорил открыто и прямо), что все эти разговоры мои не более чем притча, миф, художественный образ. И понимать их надо, повторяю, не в лоб, не буквально.

Да, мои мысли, чувства, идеи (то есть - моя "душа") - если они окажутся стоящими (на что я очень надеюсь) - обязательно встретятся с идеями, мыслями и чувствами Фалеса и Анаксагора, Гомера и Гесиода, Перикла и Фукидида... (с их "душами"). Но встретятся не как некие реально существующие самостоятельные субстанции. Нет, они встретятся не иначе, как в *сознании* человеческого, в *мышлении* наших потомков. И в этом идеальном, этом духовном пространстве наши "души" на самом деле будут беседовать друг с другом, вести жаркие споры и приходиться одни - к согласию, другие - к отторжению. И перед "Высшим судом" они обязательно предстанут - судом наших потомков, судов истории. И одни - будут прокляты и наказаны забвением, другие - "приговорены" к долгой жизни, третьи - и вовсе к бессмертию, то есть к включенности в нескончаемую жизнь общечеловеческого духа. Бессмертен, Платон, Дух человеческий. И - душа отдельного человека, в той мере и в той степени, в какой она окажется вплетенной в жизнь этого Духа.

А отсюда я делаю очень важный вывод о "земной жизни". Поскольку "душа" отдельного человека (его идеалы, чувства и мысли, определяющие всю его жизнедеятельность) формируется **лишь** в пространстве его земной жизни, то, следовательно, от того, как она сложится Здесь, зависит судьба, которая ей уготована Там. Потому-то я и считаю, что **земная жизнь** является для человека **наивысшей** ценностью. В ней, и только в ней, заключается его возможное бессмертие. Как же можно пренебрежительно обращаться с этой наивысшей ценностью, как же можно легкомысленно отказываться от нее в обмен на мифические загробные прелести?

Вообще, Платон, - перейду в заключение к более крупным обобщениям - идея "бренности" земной жизни и "благостности" загробной - это страшная, это античеловеческая идея.

Специально говорю об этом заостренно, резко и определенно, ибо внешне эта, кстати, весьма распространенная идея выглядит привлекательно. И многие ее сторонники - субъективно, по намерениям - благородные и высоко нравственные люди. Им представляется, что идея эта препятствует сосредоточению человека на "низких" потребностях "тела", земной жизни и ориентирует его на несуетную, возвышенную жизнь Там. На деле же эта точка зрения полностью обесмысливает и обесценивает жизнь человека Здесь. Ведь получается: Здесь он - "временно", "мимолетно", а главное - это Там. Эта точка зрения не ориентирует человека на создание "высокого мира" - Здесь и Сейчас.

Я же, Платон, прежде всего хочу, чтобы этот высокий мир появился не Там, а Здесь (тогда и Там он будет высок и прекрасен). И я хотел бы сделать для этого все, что смогу,

что в состоянии сделать. Повторяю - для Этого, а не Того мира. Я хотел бы, чтобы люди жили красиво, справедливо и счастливо прежде всего Здесь - в Афинах, в Греции, на всей нашей Земле.

Вот такова, Платон, моя действительная философия.

Но тогда, спрашивается, почему на суде я не цеплялся за эту "высшую ценность" - свою земную жизнь? Почему, коли уж она так значима для меня?

Элементарный расчет, Платон! Я не мог обесмысливать свою жизнь - во имя "тела" отказаться от "души". Я не мог допустить, чтобы моя земная жизнь пала в цене. Я ведь стремился, чтобы она соответствовала своей сути, то есть на самом деле была *бесценной*. А с бесценной вещью надо и обращаться соответственно - содержать ее в абсолютной чистоте. Во имя жизни тела предать свою душу, лишив и ее, и себя шансов на бессмертие? Ну уж нет! Это было бы в высшей степени нерасчетливо. В общем, Платон, я тут - совершеннейший эгоист: забочусь о себе любимом и о своей душе. Правда, от моего "эгоизма" никому не будет худо. Это не тот тип распространенного ныне эгоизма - животного, биологического, эгоизма "тела", не гнушающегося жить за счет других. В основе моего "эгоизма" - жгучее желание обесмертить жизнь общечеловеческого духа и облагородить жизнь человеческого "тела". И за это, надеюсь, мой "эгоизм" назовут разумным эгоизмом - эгоизмом, в котором сливаются воедино "мое", индивидуальное, и "наше", общественное. Это - личная (если угодно - "эгоистическая") потребность жить не "для себя" только, но - вместе с другими и "для других". Вот так я обо всем этом думаю, мой дорогой Платон.

И все же есть тут для меня загадка. Есть трудность, которую я не могу ни понять, ни объяснить. Почему идеи, которые я проповедую, идеалы, которые я защищаю, - для меня **выше** моей жизни? Почему я не могу поступиться ими даже во имя сохранения жизни своего "тела"? Почему отступление от них означает уничтожение души своей? Вообще: откуда пришли они ко мне, эти идеи, что выражается через них? Почему какой-то "внутренний голос" с какой-то непреодолимой категоричностью "приказывает" мне следовать таким, а не другим идеям, поступать так, а не иначе? Какова природа этого "голоса", что за повелительная сила исходит от него?

Я не мистик, Платон. Я хотел бы иметь рациональное объяснение.

Но его у меня нет.

Могу лишь немного пофантазировать на сей счет.

Начну с элементарного, с очевидного - с того, что мы, люди, - некая частица Бесконечного Природного Бытия. Совершенно очевидно также, что Бытие это управляет поведением своих частей, нами - в том числе. Мы следовали, мы подчинялись логике Бытия задолго до того, как заработало наше сознание, как стихийные процессы стали осмысливаться нами. Мы в течение длиннейшей вереницы лет следовали этой логике, этому, если угодно, Замыслу Природы - что и обеспечивало наше выживание. Так не продолжает ли действовать эта внутренняя логика Космоса, Вселенной и сегодня, не продолжаем ли мы быть объектами ее воздействия, элементами, частями огромного и единого космического механизма (или даже - организма)? Да, мы кое-что уже познали, мы уже не так слепы, как много веков(?) тому назад. Но что мы познали-то? Так, некоторую поверхность вещей, некий узенький, тончайший слой этого мира. Мы поняли лишь самую-самую поверхность явлений, корни которых уходят в бездонные глубины Вселенной, в Бесконечность. Поди, попробуй познай их! Да, я знаю, что я ничего (ну - "почти ничего", ладно уж смягчу категоричность своего афоризма) не знаю. Но из тех, бескрайних, глубин Бытия поднимается некая могучая сила, "заправляющая" и этим миром, и всеми его частями. В виде всеподчиняющих законов воздействует она на все природные объекты. И через все наше существо проходит эта сила, регулирующая наши отношения со Вселенной. Я не знаю, как именно она регулирует и во имя чего регулирует. Есть ли у нее какой-то изначальный определенный "замысел", или весь этот мир - система лишь каких-то частных, конечных смыслов - вспыхивающих и затухающих, уступающих место другим частным целям и смыслам? Не знаю! Этого, самого главного-то, я и не знаю!!

Но я, Платон, чувствую упругую и мощную логику этой поднимающейся из глубин Природы силы, ощущаю ее пульсацию, я слышу, черт побери, Ее Голос! Вот это, по-ви-

димому, и есть тот "внутренний голос", о котором я не раз всем вам говорил, - мой Даймоний, голос Природы, или, если угодно, голос Бога.

Я не могу ни тебе, ни себе объяснить, почему Он требует думать и поступать так, а не иначе. Наверное, того требует какая-то неведомая нам Гармония этого мира, задачи выживания и развития как Мира в целом, так и отдельных его частей, в том числе такой его "части", как Человечество. И поскольку с тех пор, как я своим, натренированным познанием, слухом смог "расслышать" этот голос, как стал следовать его "советам", он мне ни разу не посоветовал глупостей или чего-то недостойного, я отдался на его Волю (ну, конечно, не полностью, не абсолютно, не целиком; все-таки рационально-разумное объяснение играет важную роль в моей жизни, но - в значительной степени). И об этом ни разу не пожалел.

Ты, возможно, удивишься моим откровениям. Все-таки в нашей тесной и маленькой "мыслильне" принято было думать, что главное достоинство моих размышлений - в их рационализме. В том, что я ушел от фантастических и мифологических способов объяснения мира и места человека в нем. В том, что я неукоснительно следовал девизу: **познай** самого себя! В том, что утверждал уверенность в безграничных возможностях познания.

И тут вдруг пишу тебе о каких-то таинственных "голосах", поднимающихся в наше сознание из глубин Космоса, глубин Вселенной. Рехнулся, спятил старик на старости? Нет, "старик" не рехнулся и не спятил.

Я по-прежнему неколебимый поклонник Разума человеческого, по-прежнему убежден в громадных возможностях человеческого познания, по-прежнему зову своих учеников учиться, думать, познавать - постоянно, каждодневно, ежесекундно. Но - беда, если кто-то вообразит себя Богом или богоподобным всезнайкой. Вообразит, что понял, схватил самую суть этого мира, и на этом основании, в этой своей самоуверенности начнет, подобно Богу-Демиургу, вершить свою волю над миром и людьми.

Я думаю, Платон, дело тут обстоит вот каким образом. Конечно, Разум, Знание, Познание - это главное, это решающее для человека. На Разум, в первую очередь и главным образом, должен опираться человек в своей деятельности. Но, Платон, только - "в первую очередь", только - "главным образом". Рацио, Разум - это далеко не "все". Тот, кто берется совершенствовать человеческий мир, а тем более его "передельывать", должен отдавать себе ясный отчет, что в мире действует не только его, человека, воля, не только *познанные* его разумом законы, но и законы, силы, им еще *не* познанные, в том числе законы и силы, корнями уходящие в бесконечные связи, глубины и дали Вселенной, и которые, следовательно, никогда в полной мере не сможет познать человек. Из этого-то рождаются все "шутки" истории - когда мы, действуя в соответствии с познанными законами, стремимся к одному, а воздействие глубинных, не познанных нами сил приводит нас к другому. Поэтому, при всем уважении и доверии к Разуму и Знанию, двигаться в этом мире следует с величайшей осторожностью и деликатностью - как по тонкому-тонкому льду, дабы не провалиться, дабы не утонуть самому и не утопить других. Еще и еще раз: доверяя открытым нами законам, постоянно проверять и перепроверять их на практике, постоянно уточнять и корректировать их, быть постоянно готовыми к появлению нежданного и неизвестного нам, еще не открытого нами. **Иначе - Беда!**

Я думаю, Платон, вот те самые правила нравственности, морали - они-то и есть этот "голос" Природы, ее указания нашему "телу" и нашему "разуму". Поначалу человечество следовало им инстинктивно, интуитивно, прилаживаясь с их помощью к повелениям Бытия. Жизнь отбирала из них те, что проходили проверку временем, и закрепляла - в памяти людей и народов, в их нравах, обычаях, традициях; с молоком матери всасывались они, эти правила, в человеческую психику. И выглядели они, эти принципы, эти правила, не как изобретенное, созданное человеком, но как звучащий голос Природного Бытия, как "внутренний голос" человека.

А потом в человеческой истории произошло нечто странное. Законы, коренящиеся в "природе" человека, в "природе" Бытия вдруг *столкнулись* с законами, созданными людьми - с так называемыми политическими законами, регулирующими жизнь граждан, их взаимоотношения с государством, обществом, друг с другом. Нравственный закон требует: "живи не по лжи!", будь *всегда* правдив и честен. А закон государства вно-

сит существенную коррекцию: нет, *не* всегда: с врагами твоего полиса ты не обязан быть "честным" (и в самом деле, разве обязан ты воинам враждебного войска "честно" раскрывать военные секреты своего отечества?). Нравственный закон запрещает убивать себе подобных ("Не убей!"). А государство категорически (и, наверное, по-своему справедливо) настаивает: *Убей* недругов, с мечом и копьем идущих на твой город. Нравственный закон требует относиться к другим людям, как к тебе подобным, как к тебе равным, согласно золотому правилу: относись к другим точно так, как ты хотел бы, чтобы они относились к тебе. Ты не хочешь быть в услужении у кого-то, не хочешь, чтобы кто-то, используя силу или хитрость, жил за твой счет, присваивая себе большую часть произведенных тобою продуктов? Не хочешь? Ну, так и сам тогда не стремись к этому, не обогащайся за счет подневольного труда других. А государственный закон не только разрешает подневольный труд и присвоение продуктов труда других людей, но и мотивирует свое разрешение весьма убедительным аргументом, что подобное "социальное" разделение труда и появление на его основе классов - есть условие наиболее быстрого развития общества, наиболее быстрого преодоления им дефицита материальных благ; общества первобытного равенства сокрушительно проигрывают обществам социального неравенства - и экономически, и в военном отношении. В общем - два ряда сталкивающихся, а нередко - и взаимоисключающих требований и законов. И самое удивительное - у каждого из этих двух взаимоисключающих рядов есть свое историческое оправдание. Оправдание есть, но человеку-то что делать - какому "исторически оправданному" требованию следовать - нравственному или политическому?

Я много раз возвращался мыслью к рассмотрению того, как возникло это странное и страшное противоречие. И получалось, как в жутком сне: вот вроде бы все в истории идет естественно, логично, понятно, одно согласуется с другим, одно вытекает из другого, а завершается все в итоге каким-то кошмаром, неизвестно когда и где подкравшимся.

Ну вот, давай-ка вместе пробежимся по ступеням этого естественного процесса, заканчивающегося... кошмаром.

Вот первая ступень: человек, еще не выделившийся из природы, не создавший еще ни общества, ни государства. Живет и действует по тем "законам", правилам и традициям, которые продиктованы условиями его бытия и задачей выживания. Это традиции и правила, в основном, морального толка, поскольку существует приблизительное равенство людей - нет еще ни особо богатых, ни особо бедных.

Так, поднимаемся на следующую ступень. Постепенно, по мере усиления человека, совершенствования его трудовых инструментов и роста количества производимых им продуктов, усиливается специализация деятельности: каждый совершенствуется в своей профессии, сосредоточивается на ней - так он будет работать успешнее и произведет больше. А затем эти "специалисты" потянутся друг к другу - дополняя один другого и обмениваясь продуктами своего мастерства. Сапожник нуждается в гончаре, гончар - в плотнике, а все вместе - в земледельце, а земледелец - в них. Ну и так далее. Вот так-то и возникает первое "общество", первое "государство". Правила морали, нравственности ("будь честен и справедлив!", "не убей!", "заботься об общем деле!...") продолжают действовать, продолжают быть условиями выживания каждого и всего социума. Пока все понятно.

Еще несколько шагов, Платон! Это первое сообщество людей, развивая и усиливая специализацию, порождает различие интересов. Каждому хочется *свою* деятельность сделать главной, доминирующей в жизнедеятельности общества. Тоже - логично и вполне понятно: кому не хочется стать возможно более значимым и более уважаемым среди своих соотечественников? И тут возникает первая опасность: претензии на наибольшую значимость начинают нарушать гармонию отношений прежде "равных" людей. И тогда, в целях обеспечения этой гармонии, люди договариваются о неких общих правилах поведения, которые обеспечивали бы точную и выгодную для всех меру сочетания частных и общественных интересов. А для того чтобы заставить всех следовать этим правилам, люди создают общественный (политический) орган, обладающий возможностями и силами принуждения.

Тоже все пока в рамках гармонии, без особых противоречий. Только, пожалуй, - некоторый намек на них: созданный *политический* инструмент охраняет *нравственные*

требования и правила. Намек на противоречие - в том, что инструмент, обладающий правом насилия и принуждения, имеет целью защищать (и настаивать на) выполнение правил, которые по природе своей должны соблюдаться добровольно, а не под угрозой насилия.

Но двигаемся дальше. Дальше тоже все естественно необходимо. Начавшееся соревнование разных интересов, обостряющееся соперничество людей - одних, наиболее энергичных и сильных (а то и коварных), поднимает на гребень жизненной волны, других - опускает в низины. Начинается и стремительно растет разделение на богатых и бедных. Жизненные обстоятельства вынуждают одних работать на других, а то и становиться собственностью этих других. Патриархальное равенство постепенно умирает, уступая место все более расширяющемуся и углубляющемуся неравенству. А с ним - на смену безраздельному господству правил нравственности, регулирующих взаимоотношения людей, приходят и получают все большее распространение новые, замешенные на насилии, политические, правила, узаконивающие господство одних людей над другими. Кажется, человечество попадает в какую-то страшную беду. В самом деле, у какого нормального человека не обольется кровью сердце, когда он увидит, как массы когда-то свободных людей превращаются в рабов? Но поразительное дело, Платон: те полисы, которые культивируют эту расколотовость общества, социальное неравенство, развиваются быстрее и в столкновениях с патриархальными обществами "равенства" одерживают легкие и безраздельные победы. Это обстоятельство и зафиксировал однажды Фрасимах с присущими ему прямоотой и цинизмом. "Бросьте вы болтать о разных "моральных правилах" - "не убей", "не лги" и т.п. - оставьте эти словесные игрушки для детей малых, - бросил он нам с Полемархом. - Если вы всерьез желаете благополучия и величия своему государству, опирайтесь на *политические* правила, на политические установления, узаконивающие неравенство, господство одних над другими, опирайтесь на реальную силу, не брезгуйте пускать в ход насилие и принуждение".

Вот это и есть внезапно возникшая ситуация кошмара.

Я ясно вижу эти два ряда требований - политические и моральные. Я вижу, повторяю, определенную оправданность и тех и других. И я вижу, как в определенных, довольно часто встречающихся, ситуациях они сталкиваются между собой, давая человеку прямо противоположные рекомендации. И скажу тебе совершенно откровенно: я не знаю, как их согласовать, я вообще не понимаю, почему так получилось. Какая-то трагическая ситуация: человек словно зажат между этими двумя полюсами рекомендаций - какой следовать, какую выбрать?

Ну, для себя лично я выбрал полюс Нравственности. Но это не значит, что и всех других я зову за собой. Нет, кто-то должен заниматься политикой. Вспомни мои разговоры с Каллимахом, с другими, кто решил выбрать государственную стезю. Ведь я их не только не отговаривал от этого, но даже давал советы, как лучше управляться с этими делами, коли уж ты выбрал в жизни эту дорогу.

Я, конечно же, понимаю, что для своего выживания в нынешних условиях человек не может не забивать животных. Я это понимаю. Но работать на скотобойне... Нет уж, увольте. Сие не по мне.

В общем, проблему я вижу, решение - нет...

Давно потух мой фитиль. Пишу при свете Луны.

Спокойной ночи и добрых тебе снов, Платон.

Письмо шестое

Сегодня снова вереница гостей. Разговоры долгие, тягостные, вперемешку со слезами. Целый день! Утомительно!

Сейчас уже ночь. Поэтому - очень коротко.

Расширение круга обвинителей - зачем?

А затем, что аниты и мелеты не тянут на серьезное противоборство. С ними не получится Большой Дискуссии, в разговоре с ними не высветятся те Проблемы, над которыми есть смысл и интересно думать. Эти аниты и мелеты все будут сбиваться на какую-то ерунду: того-то я смутил, тот сын не послушался своего отца (а сына наставлял Сократ)

и т.д., и т.п. И буду я в этой паутине с ними дрыгаться... Мне нужны оппоненты - вровень (представляю, как заморщится скромняга Аполлодор, читая эти гордяческие строки!). Разве это странно? Странно было бы другое - если бы я последний день своей публичной жизни потратил на распутывание анитомелетовской белиберды. Ну, до завтра!..

Письмо седьмое

Относительно предложенного мною себе "наказания" - ну, насчет бесплатных обедов в Пританее до конца дней моих. Спрашивают, зачем я выкинул эту раздражившую всех штуку?

А как же иначе мне их разбудить-то? Ты же видел этих судей. У них ведь вроде и глаза раскрыты, и кричат рты, и двигаются руки - и тем не менее они ... СПЯТ! Глубоким сном! В какой-то момент я на мгновение закрыл глаза - и мне даже показалось, что я слышу их... храп! Это спали, это храпели их души, Платон!

И мне захотелось как-то смутить их покой, прервать этот их храп...

Ну, и глупая тактика, будет корить меня Критон. Чего добился? Кого разбудил? Так "разбудил", что они спросонья тебе еще 80 голосов за смерть кинули.

А как же, Критон, отвечу я, про 140 оправдательных-то голосов ты забыл? Ведь это одна треть всех судей! Одна треть - не шутка! А, может, вот их-то я на самом деле, разбудил? Ты не подумал об этом, Критон? И может, теперь на одно мое место - "человека души" - придет 140?

Так вот, эти "140", Платон, и есть хоть какое-то оправдание моих действий. И - моя награда!

Пока!

Письмо восьмое

Подбивают бежать. Куда-то в Фессалию. Там у Критона все заготовлено для моей "безбедной", "спокойной" и "счастливой" жизни.

Нет, Платон, не побегу!

И не надо в связи с этим славить мое какое-то особое "законопослушание". Не из-за почтения к законам я не побегу. Я же на суде - открыто, прямо, публично - сказал (ну, ты же слышал, ты же помнишь): даже если вы постановите, чтобы я не занимался философией и не вел своих бесед, я **не подчинюсь!** Меня не "закон" от бегства удерживает, а разум и тот же мой внутренний голос.

Ну, это же так понятно. Еще раз: чего я хочу, какова моя цель? Разбудить людей, перенести их внимание и заботы с Тела на Душу. Я должен отстоять свой главный тезис: существует нечто, что выше жизни Тела. Я это продемонстрировал на суде. И 140 человек проснулись и пошли за мной.

И вот теперь я побегу спасать свое Тело?

Ты представляешь, как восторжествуют эти афинские телофилы: ага, все-таки он не выдержал, сдался, все-таки Тело поставил выше Души! И что будет с теми, проснувшимися? Да, они снова немедленно уснут. Их бодрствование не будут подпитывать моя стойкость и моя судьба.

А когда я стойкостью, смертью своей подтверждаю мои принципы - не откроются ли глаза у следующей сотни?

И потом. Критон заговорщически шепчет мне, что убежать легко, что меня охраняют плохо, совсем почти не следят за тем, кто ко мне приходит и что я делаю. Чудак! Не понимает. Что это - намеренно. Они чуть ли не коврик передо мной расстилают - только беги! Им очень хочется, чтобы я "убежал" - ведь тогда станет правдой основной тезис их обвинения - моего будто бы презрительного отношения к Афинам, к народу, их населяющему.

Ведь обвинители мои представляли дело так, что на суде идет борьба тех, кто "любит этот город" (это - они!), с тем, кому этот город и эта земля безразличны, с тем, кто де-

лает все для того, чтобы погубить наш полис, в частности посредством "разращения молодежи" и "уничтожения наших духовных традиций" (это - я!). В общем, "любящие свой город" против "ненавидящего" его.

Но послушай их повнимательней - как они с каким-то надрывом, прямо-таки со слезой в горле вопиют о своей бесконечной любви к "земле предков", к ее истории и традициям. Прислушайся - и ты услышишь, как сквозь эти все их сентиментальные всхлипы и вопли то и дело прорывается нечто похожее на рычание - звуки какой-то лютой злобы, какой-то неизбывной ненависти к тем, кто смеет любить свой город иначе, чем они, к тем, кто, на их манер, не орет истошно на каждом перекрестке о своей безмерной любви к своему родному отечеству.

Нет, Платон, я этим духовным насильникам не отдам мою милую Грецию. Они-то все про военное могущество да про "славу оружия" вопиют - там мы этих поколотили, там - тех, и все "нас боялись" - и персы, и Спарта.

Мы с ними никогда не сойдемся, Платон. Ибо для меня моя родина - это прежде всего, песни и стихи Гомера, которые над моей колыбелью пела и сказывала моя мать, это искания Фалеса и Анаксагора, это шум и суета афинских пристаней, это наше море и наше солнце, это те юноши, с которыми я веду долгие вечерние беседы - о благе, о справедливости, о смысле жизни. Да и восхищение военным героизмом предков не чуждо мне. Я знаю каждую подробность саламинского боя, схватки при Марафоне, битвы при Платеях. И имена Фемистокла, Аристиды, Эфиальта, Перикла - для меня священны. Да и сам я, как ты знаешь, был не последним на полях сражений. Но моя любовь не слепа. Я знаю, я ясно вижу и отвратительные страницы истории нашего с тобой города. Да, мы победили персов, мы спасли нашу культуру от наводнения варварства, но сами стали почти как персы. Да иногда и хуже, страшнее персов - когда своих союзников, помогавших нам защититься от восточного нашествия, стали пригибать к земле, силой навязывая им свой образ жизни, свой тип правления, превращая их в данников, по сути - в рабов. И я восхищаюсь теми, кто давал достойный отпор позорным действиям нашего с тобой, Платон, города.

Я восхищаюсь Мильтиадом на Марафонском поле и проклиная его жестокости в отношении жителей Пароса, которых наши с тобой соотечественники хотели (и, слава богу, безуспешно) поставить на колени. Я презираю Алкивиада и всю эту поддерживавшую его горячую, воинственную публику нашего города, затеявшую авантюру вторжения на Сиракузы. И не забыть мне, как травили и изводили лучших людей нашего города - Аристиды, Анаксагора, Фемистокла (Перикла - даже!).

А они-то, они-то, все эти мелеты-аниты, особенно ценят в нашей истории эту игру мускулами и требуют любить, в первую очередь, именно это. И попробуй только не полюбить на их манер - живо голову оторвут. Такие вот они, эти сладкоголосые певцы "любви" к "земле предков".

Да ладно бы еще действительно любили свой город и своих сограждан, ну, пусть с перебором, с преувеличением. Так нет, болтовня все это, ложь и лицемерие. Не город они любят, а свое **господство** в нем. Лицемеры и казнокрады, вытягивают все жилы, все жизненные соки из "города" - под грохот своей "безмерной любви" к земле предков...

Нет, Платон, не побегу! Ни за что!

Письмо девятое

Ну, а сего дня - о **самом** главном.

В предыдущих письмах я все крутился вокруг "зачем?" и "почему?" - зачем и почему я действовал на суде так, а не иначе. Но самое-то главное - во имя чего? "Зачем" я отказался от речи Лисия? Затем, чтобы оставить *свое* завещание людям, а не лукавую словопись обвиняемого по одному частному делу. Зачем бесплатные обеды в Пританее? Затем, чтобы разбудить афинян. Зачем не бегу в Фессалию? Затем, чтобы пробудившиеся не заснули опять.

Но Завещание, но забота о пробуждении, но беспокойство по случаю возможного нового засыпания - это-то все **ВО ИМЯ ЧЕГО?**

Признаюсь тебе, что не хотел бы до поры, до времени касаться этого вопроса. Мне тут самому не все ясно, многое еще надо бы додумать. Но, увы, никакой другой "поры" и другого "времени" у меня уже, как ты понимаешь, не будет. Все! Финиш! Или - пусть несовершенно и приблизительно - сегодня, или - никогда! Так пусть будет сегодня. Как получится, так и получится. С богом!

Я расскажу тебе, как я натолкнулся на то, что когда-нибудь, возможно, назовут "проблемой Сократа". Во всяком случае я так бы назвал ту противоречивую, запутанную интеллектуальную ситуацию, в которую меня угораздило попасть.

Тут, Платон, важны подробности, детали. Я сказался сегодня больным и просил стражу никого ко мне не пускать. Сегодня у меня будет только один собеседник - ты.

Итак...

Итак, был обычный летний афинский день. Жаркий, сухой и душный. И был праздник - в Пирее. Мы с юным Главконом, посмотрев красочные торжественные шествия и конные соревнования, помолились и собрались было возвращаться домой, как к нам подошел молодой Полемарх с приятелями и пригласил к себе - поужинать (благо, до ночной конной эстафеты с факелами оставалось еще порядочно времени). "Отец особенно звал тебя, - сказал он мне. - Он что-то совсем стал плох..."

Я сразу понял, в чем дело. Отец Полемарха - Кефал - к тому времени крепко сдал. Годы, болезни делали свое дело. Он уже не бегал, как когда-то, из конца в конец Афин - покупая в одном месте, продавая в другом, не сутился на пристанях, загружая товаром триеры, отплывавшие в дальние страны, не гремел на народных собраниях, бесконечно выступая с новыми идеями и предложениями. Он медленно, согнувшись, выходил из своего дома, тяжело опускался на скамейку и, одинокий, долго, не шевелясь, смотрел куда-то вдаль - туда, где край моря смыкается с краем неба и куда западает багровое вечернее солнце. В общем, тут были все основные стихии бытия - море, небо, солнце, земная твердь и... о чем-то напряженно думающий, много переживший и много повидавший Человек. Я сидел рядом с ним - и начинались наши неспешные беседы, часто прерываемые долгими паузами - молча продолжали думать над сказанным. Каждый раз - снова и снова - он возвращался к одной теме, по-видимому, сильно мучившей его.

"Знаешь, Сократ, - доверительно шептал он мне, - когда я почувствовал приближение смерти, то на ум стали приходить вопросы, над которыми я прежде всерьез никогда не думал. Жил себе и жил, как жили мои предки, как жили другие - вокруг меня. И не задумывался, хорошо ли то, что я делаю, плохо ли. И - зачем все это я делаю... Ну, вот, сижу я сейчас на горах своего накопленного богатства и думаю: а зачем это я так убивался всю жизнь, стараясь приумножить его. Зачем оно мне теперь? Что, я его на тот свет возьму, что ли? Сыну? Да ему и сотой доли было бы достаточно, чтобы начать вполне безбедную и самостоятельную жизнь. Да и вообще - такое ли богатство ему надобно? То ли я завещаю ему?"

Говорят еще, что *там*, на загробном суде в Аиде, будут день за днем разбирать все мои поступки, совершенные в этой жизни. Я, правда, не знаю, Сократ, есть ли на самом деле этот Аид с его загробным судом. Не очень-то я в это верю - нет никаких, даже мало-мальских свидетельств в пользу этого. Но если даже его нет, сама идея о неизбежности самоотчета о прожитой жизни кем-то хорошо придумана. Вот сейчас у меня много свободного времени. И - сажусь я на эту скамью, как на скамью подсудимых, и сам вершу над собой суд - пострашнее аидовского. Сам задаю себе очень неудобные вопросы: правильно, праведно ли я жил? И вот не на том, сомнительном, "высшем суде", а на этом, вполне реальном, моем, собственном, земном суде все больше - с леденящим душу ужасом - прихожу к мысли: как глупо, бездарно и бессмысленно мною растрочен, пущен по ветру дарованный мне Богами подарок - ЖИЗНЬ! Жил - без понимания, без смысла, без цели. И рождается из всего этого неизбывная печаль, гнетущая тоска - вот он, приговор Моего Суда! Почему я не задумался обо всем этом раньше, когда был молод, полон сил, когда можно еще было выстроить свою жизнь, как выстраивает храм талантливый зодчий - чтобы она была на самом деле чистым, высоким и светлым храмом, а не свалкой, в которой, без плана и системы, вперемешку, набросаны и ценные ве-

щи, и всякий хлам (причем, естественно, как и во всяком, не контролируемом разумом процессе, - хлама намного больше!). Почему я не задумался?..

Я упустил свое время, Сократ. И вот хочу, чтобы его не упустил мой сын - это, может быть, единственное доброе дело, которое я мог бы еще попытаться сделать. Но вот беда: когда я заговариваю с ним обо всем этом - о красивом, благородном, осмысленном построении своей жизни по законам красоты, нравственности, справедливости, - он не понимает, о чем это я. Он хороший, добрый, воспитанный юноша. Но живет, следуя давлению обстоятельств, - так же бездумно и бестолково, как жил я. А когда я становлюсь в своих назиданиях особенно настойчив, он даже начинает сердиться - что вот-де сами вы, старики, пожилые, насладились благами молодости, покуралесили - без меры и удержу, а теперь призываете всех к умеренности, к служению каким-то "высшим", таким, честно говоря, скучным, "ценностям"; вы хотите-де прежде времени сделать нас стариками; подождите, придет время - и мы будем, подобно вам, сидеть одиноко на скамейках и, в лучах предзакатного солнца, - думать о "смысле бытия" и "назначении человека"; но до этого дайте нам ПОЖИТЬ!

Да разве я, Сократ, хочу сделать его жизнь серой, скучной? Я всего лишь хочу сделать ее *осмысленной*, чтобы не обстоятельства, традиции, обычаи (неизвестно кем, как и почему созданные) волокли его по жизни - и тем превращали в раба обстоятельств, но чтобы он сам управлял своей жизнью (когда надо - опираясь на обстоятельства, а то и вопреки им) и управлял бы не своевольно, а в соответствии с требованиями справедливости и нравственности. Я хочу, чтобы он был разумен, совестлив, свободен в молодости и спокойно счастлив - в старости.

Но он не слушает меня, Сократ. Вся моя надежда на тебя. Поговори с ним. Тебя, человека постороннего, еще не старое (*мне тогда что-то под сорок было, Платон!*), но уже слышущего мудрым, он может послушать и, главное, - услышать".

Так говорил Кефал.

Я не обещал ему исполнить его просьбу - потому, что сам не очень-то ясно представляю, в чем смысл бытия человека, в чем его "назначение", что это за "принципы нравственности и справедливости", в соответствии с которыми следовало бы выстраивать свою жизнь. Убедить в необходимости думать над всем этим - постоянно и напряженно, в течение всей своей жизни, раскрыть примитивность, спутанность представлений о нравственности и справедливости, засоряющих рассудок большинства людей, - за это я, пожалуй, еще и мог бы взяться. Но и только...

Я не откликнулся на просьбу Кефала еще и потому, что отдавал себе отчет, как трудно донести до молодого сознания серьезность и необходимость задаваемых Кефалом вопросов - ибо в молодости голос тела для большинства людей слышен гораздо громче, чем голос Души. Но я и не отказывался категорически, ибо знал, что бывают в жизни такие особенные, такие редкие ситуации - ситуации потрясения и удивления ходом событий или неожиданно возникшей атмосферы особого взаимного доверия, большой взаимной симпатии - когда у молодого человека вдруг душа и разум открываются к восприятию высоких и нестареющих Истин. Такая-то ситуация и сложилась вдруг в тот вечер...

Итак, я понял, зачем зазывает меня Кефал - вдруг завяжется тот, заветный, разговор с Полемархом.

И он завязался!

Как бы случайно. Как бы ненароком.

Пока Полемарх с приятелями возбужденно обсуждали результаты спортивных состязаний, пока разливали по чашам вино, мы с Кефалом - вполголоса, как бы не для них, а для себя - завели разговор о том, что означает "жить по справедливости". Кефал процитировал Симонида, который утверждал, что "справедлив" тот, кто честен, кто всегда говорит правду, возвращает долги и т.п. Я начал оспаривать утверждения Симонида. Но неожиданно вмешался Полемарх, краем уха слушавший нашу с Кефалом перепалку:

- Ты, Сократ, как всегда, оспариваешь очевидные вещи. Симонид абсолютно прав!

- Ты думаешь? - повернулся я к Полемарху (заметив, что Кефал потихоньку ретируется из нашей комнаты - посчитал, по-видимому, свою задачу - завязать соответствующий разговор - выполненной). - И что же, врагам на войне надо выкладывать всю прав-

ду? И врачу - ни в коем случае не скрывать от больного неизлечимость его болезни? И - отдавать взятое в долг, скажем, оружие психически заболевшему человеку, который этим оружием может покалечить и себя, и других?

И пошло-поехало. Вначале Полемарха разговор лишь забавлял. Надо же: казалось бы, очевидные, общепринятые, усвоенные с детства истины оказываются с червоточинкой. Полемарх отвечал на мои вопросы быстро, игриво и весело. И каждый раз, к своему удивлению, попадал впросак. И вот, запутавшись совершенно в своих попытках определить суть "справедливости", он уже всерьез взмолился:

- Да, Сократ, странно все это как-то. Вот уж не думал, что не смогу толково объяснить, что такое "справедливость". Ты меня просто в тупик какой-то загнал. Так помоги же мне теперь из него выбраться.

Существует, Платон, мнение, что у меня-то уж, наверняка, есть четкие ответы на все эти каверзы. И что "запутываю" я собеседника в сугубо педагогических целях - дабы он сам пришел к выводу о бедности и односторонности своих знаний и был бы готов с вниманием и заинтересованностью выслушать мое, то есть "истинное" мнение. Глупости все это, Платон. Выявляя через наводящие и "смущающие" вопросы "спутанность" знаний собеседника по какому-то вопросу, я на самом деле выявляю "спутанность" не столько мышления данного, конкретного человека, сколько "спутанность" афинского, греческого сознания вообще. Это, добавлю, и "спутанность" моего собственного сознания, Платон; я же не от дуба родился, я - сын своего времени и своего народа. Ни в одном разговоре никогда не претендовал я на роль всезнайки, вразумляющей невежд. Будет случай - обрати на это внимание Ксенофонта, склонного представлять меня знающим все и вся. Нет, когда я беседую с человеком, это ведь я и сам с собой беседую, это я и себе задаю каверзные вопросы, это ведь я и свою "спутанность" обнаруживаю, делая ее открытой для "распутывания" - для анализа, прояснения и уточнения. Во время беседы, таким образом, я сам обнаруживаю слабые стороны и моих собственных представлений и сам ищу способы их преодоления.

Иначе говоря, моя беседа с Полемархом была одновременно и беседой с самим собой.

И вот когда я намеревался продолжить - для Полемарха и себя - поиски более глубокого и точного определения "справедливости" и "нравственности", в нашу беседу неожиданно вступил Фрасимах, да не вступил даже, а прямо-таки влетел, ворвался - так напористо стал он ораторствовать. Он призвал нас "оставить нашу наивную и глупую болтовню о справедливости, ибо в реальной жизни все определяет не принцип нравственности, а право сильного". Только "сильный" (не сверяющий свои действия с требованиями справедливости) преуспевает в реальной, а не придуманной философиями и школьными учителями жизни, - кричал он. Только "сильный" получает все - богатство, общественный почет, семейное благополучие. А "справедливые" плетутся по жизненным обочинам в бедности и неустрашенности. И общество относится к ним с иронией, а то и просто с презрением. "Справедливый" смахивает больше на юродивого.

Конечно, друзей Фрасимаха коробили его весьма циничные высказывания. Фрасимах, надо заметить, был уже в некотором подпитии; в ином состоянии он вряд ли решился высказываться в столь обнаженной форме. Но, заметь, он говорил правду. И говорил, надо сказать, превосходно. Резко и твердо. Приводил массу разительных примеров из жизни афинского общества, уже основательно втянутого в масштабные торговые операции на внутреннем и внешнем рынках, в жестокие процессы принуждения к труду свободных бедняков и рабов, в острые схватки граждан за приращение богатств. И мои милые юные друзья во главе с Полемархом просто растерялись: да, Фрасимах верно и точно говорит о том, что есть в жизни, но неужели надо на самом деле забыть о "справедливости", и зачем же тогда ее правила так настойчиво вдалбливают в голову каждому - с самых малых лет.

И тут уж с Полемарха всю его игривость и беззаботность как рукой сняло. На какие-то очень серьезные, очень важные для каждого вещи начал выходить разговор. Он ждал моих возражений Фрасимаху. Добрый, воспитанный юноша, он не хотел быть "сильным" на фрасимаховский манер, то есть подавляющим других и счастливым за счет других. Иначе говоря, он не хотел быть "сильным" и "несправедливым". Он хотел

быть и "справедливым", и... счастливым! Он не хотел быть и слыть юродивым, он хотел быть нормальным, уважаемым (собой и другими людьми) человеком. Неужели счастье можно строить только на несчастье другого? Неужели "справедливость" обязательно должна сопровождаться страданиями? Тогда зачем она? - Вот вопросы, которые я читал в его, обращенных ко мне прямо-таки с мольбою, глазах.

Я не скажу, что тогда, в той беседе, я убедительно для всех (в том числе для себя) ответил на все эти вопросы.

Ну, не мог же я, Платон, сказать, что быть "справедливым" мне повелевает мой "внутренний голос". И хотя это на самом деле так, но ведь я сам не могу до конца понять и объяснить природу этого странного голоса, объяснить, почему он повелевает делать то, а не другое, и почему я должен его слушаться. А если у другого нет этого "внутреннего голоса", он что, должен *моего* слушаться, что ли? Почему?

И все же я не мог, не должен был оставить Фрасимаха моральным победителем в нашем споре - о слишком серьезных, о слишком значимых вещах пошел уже разговор, слишком несимпатичный жизненный принцип выдвигал Фрасимах и слишком растерянными выглядели мои молодые собеседники.

И тут я посчитал необходимым несколько изменить своей манере рассуждений. Обычно я начинал издалека и постепенно, шаг за шагом, вместе с собеседником двигался к вытекающему из многочисленных предпосылок выводу. Здесь же нельзя было медлить: на резкость и определенность тезиса Фрасимаха надо было фазу ответить таким же резким и четким определением своей позиции, а потом уже разъяснять ее и приводить аргументы. К тому же, как ни важен был затронутый вопрос, все же молодые мои друзья не забывали, что до ночной конной эстафеты оставалось не так уж много времени, и я должен был это учитывать.

В общем, начал я с того, что резко и категорично заявил, что никогда и ни за что не соглашусь с Фрасимахом и что я убежден - не "сильный", а только "справедливый" и "нравственный" человек может быть по-настоящему счастлив.

Аргументов я приводил много - они что-то объясняли, что-то доказывали. И выглядели они, в общем-то, как мне показалось, более или менее убедительно для моих юных собеседников. Но у меня самого - после того разговора - осталось чувство неудовлетворенности. И весьма глубокой.

Ну, во-первых, что касается всех этих традиционных аргументов относительно "высшего суда" на "том свете" (на котором-де могут покарать за несправедную жизнь). Я их, конечно же, все привел. Разумеется, дав им расширительное - в моем, рационализированном стиле - толкование. Ну, ты его знаешь - что-де если даже не верить в мифы о "том свете", то посмертный "высший суд" над каждым человеком все же состоится - например, в памяти потомков. И будут на нем одни - наказаны презрением и забвением, другие - вознаграждены любовью, славой и долгой (в памяти потомков) жизнью. Так что, заметил я, волнение по поводу суда "на том свете", охватившее старого Кефала, имеет вполне резонное и рациональное основание.

Попытался я - в связи с этим - ответить и на типичное в таких случаях возражение: какая-де особая радость ныне живущему человеку от того, что его идеи, мысли и поступки будут жить долго (или даже вечно) - ведь, его-то уже не будет; какое же это "вознаграждение", какое же это "счастье" для него, нынешнего. Реальную-то, свою земную, жизнь он проводит в нищете и страданиях. Так что не *он* будет "вознагражден", а всего лишь *память* о нем.

Не скажите! - ответил им я. Меня, например, и сегодня, сейчас греет мысль, что мои идеи (то есть моя душа) еще долго будут жить среди людей, что к ним будут обращаться, над ними будут задумываться, смеяться и плакать. Это ощущение ненужности твоей жизни, ее "правильности" дает мне сегодня, сейчас, а не по ту сторону физического бытия, ощущение счастья. И меня не огорчает мой старый поношенный плащ, мои потрепанные сандалии, мой скромный обед, мое не слишком высокое положение в обществе. Скажу больше: будь я невероятным богачом или "крупным государственным деятелем", но бедным большими идеями и мыслями, лишенным чувства сострадания к людям, поступающим вопреки требованиям нравственности, я был бы здесь и сегодня глу-

боко несчастлив. Ведь сказал же один из наших с тобой современников: "Открытие одной истины для меня дороже завоевания персидского царства". И я его понимаю!..

Так что в этом смысле "справедливый", заботящийся о чистоте помыслов, возвышенности разума и благородстве поступков человек получает вознаграждение вполне в пространстве здешней, земной жизни.

Рациональное зерно, Платон, в этих аргументах - и первом, и втором, конечно же, есть. Но я приводил их и чувствовал: нет, это все слабо, это все лишь бледная тень истины. Так содержание первого аргумента выглядит как некая *угроза* человеку за несправедливые действия, как некая форма *принуждения* его к нравственной жизни под страхом загробного наказания. Хорошо же будет человеческое "благородство", порождаемое не свободным внутренним убеждением, а *страхом наказания!* В общем - слабо. Какая-то внутренне противоречивая мотивация. Да и потом: человек тут как бы не живет здесь и сейчас, а все думает - что о нем скажут "потомки", все на них оглядывается. В этой постоянной и напряженной заботе о мнении "потомков" легко соскользнуть на такой тип жизнеповедения, где главным становится не *быть*, а *казаться*.

Пытаясь преодолеть слабые стороны этих первых двух аргументов, я привел еще один довод в пользу того, что "справедливый", "нравственный" человек - счастливее человека, "преуспевающего" на фрасимаховский манер. Есть еще одно "вознаграждение" за праведную жизнь, сказал я. Это - состояние гармонии и душевного комфорта, - когда тебя не разрушает, не разрывает противоречие между "должным" (тем, что должен делать, в соответствии с требованиями морали) и твоими реальными поступками. Когда ты поступаешь, когда живешь "не по совести", - начинается разрушение не только твоего психического мира, но и мира телесного, ибо раздвоенность, разорванность сознания человека формирует вокруг него некую ауру, губительную и для духа, и для тела. Такой человек (даже при всех его богатствах и карьерных успехах) не сможет жить долго и счастливо: у него не будет бескорыстных и искренних друзей, дружной, наполненной любовью семьи, он будет окружен атмосферой лицемерия и угодничества, зависти и ненависти. Я им напомнил забавный (но очень точный и тонкий) ответ Фалеса на вопрос: "Что для тебя самое удивительное?". "Тиран, доживший до старости", - ответил милетский мудрец. Да, не доживают тираны до старости: совесть, низкие страсти, гнетущая атмосфера, ненависть близких и дальних сжирают их. И не только к тирану политическому это имеет отношение. Ко всякому тирану, всякому тиранчику - в семье ли, в хозяйственном или государственном деле.

Вот этим аргументом я дорожу, Платон. Считаю его посильнее первых двух. И собеседниками моими он встречен был с пониманием.

Но все же, но все же... Я видел их по-прежнему вопрошающие глаза: "Да, все это так. И все-таки, почему, черт побери, "справедливый", как правило, - гонимый и страдающий. Почему, несмотря на все твои (отдадим должное - весомые) аргументы, Сократ, основная масса афинян предпочитает жить по "кодексу Фрасимаха"?".

И ты знаешь, я даже обрадовался, что перерыв между праздничными эстафетами подходил к концу, и надо было свертывать наш разговор. Ничего особенно значимого и толкового мне в тот вечер сказать бы больше не удалось.

Вопросы, поднятые в том разговоре, стали с тех пор главными вопросами моих раздумий. Так и этак вращал я их перед своим мысленным взором. Я видел, я понимал ПРОБЛЕМУ. Но ее решение, решение, удовлетворяющее меня, мне не давалось.

Спокойной ночи, Платон!

(Окончание следует)